

УДК 930+94(47)+16+165.4

DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-107-112

Возможности устной истории как методологии социального познания (на примере воспоминаний А. Максимчука)

Е.Б. Волосова

Иркутский государственный университет, ул. К. Маркса, 1, Иркутск, Россия
volosova1961@rambler.ru

Статья поступила 03.12.2020, принята 09.12.2020

В статье отмечается, что современные историки уделяют большое внимание биографическому подходу как разделу устной истории. На примере биографических воспоминаний Алексея Максимчука исследуются факторы формирования образа строителя Усть-Илимской ГЭС. Воспоминания относятся к 1969 г., когда автор встретился с московскими артистами А. Пахмутовой, Н. Добронравовым, И. Кобзоном. Они следовали от Братска до Толстого Мыса, где начиналось строительство Усть-Илимска и Усть-Илимской ГЭС. Идентичность молодых строителей сибирских городов формировалась из двух компонентов, врожденных и приобретенных. К ним мы относим высокую мобильность, готовность к преодолению трудностей, энергичность, работоспособность, романтизм, душевность, наличие позитивных идеалов.

Ключевые слова: устная история; биографический метод; воспоминания; другой человек; географическое пространство; антропологическое пространство; романтизм; идентичность первооткрывателя; идеализация; критический подход.

Oral history as a methodology of social cognition (on the example of A. Maksimchuk's memoirs)

E.B. Volosova

Irkutsk State University; 1, K. Marks St., Irkutsk, Russia
volosova1961@rambler.ru

Received 03.12.2020, accepted 09.12.2020

The article notes that modern historians pay great attention to the biographical approach as a section of oral history. On the example of the biographical memoirs of Alexey Maksimchuk, the factors of the formation of the image of the builder of the Ust-Ilimsk hydroelectric power station are investigated. The memoirs date back to 1969, when the author met with Moscow artists A. Pakhmutova, N. Dobronravov, I. Kobzon. They travelled from Bratsk to Tolstoy Mys, where the construction of Ust-Ilimsk and the Ust-Ilimsk hydroelectric station began. The identity of the young builders of Siberian towns was formed from two components, innate and acquired. These include high mobility, readiness to overcome difficulties, energy, efficiency, romanticism, sincerity, and the presence of positive ideals.

Keywords: oral history; biographical method; memories; another person; geographical space; anthropological space; romanticism; identity of the discoverer; idealization; critical approach.

Для современных историков большое значение имеет так называемая устная история (*oral history*). Это междисциплинарное исследование на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, психоанализа, которое дает представление о новых перспективах социального познания.

В чем причины роста интереса к качественной методологии в России и за рубежом? Прежде всего, это бурно изменяющаяся социальная реальность, которая требует повышенного внимания исследователей к углубленному рассмотрению частного, единичного, немассового. Существует еще одна причина, которая определяет привлека-

тельность устной истории, — это ее гуманистическая направленность, т. е. интерес к изучению конкретных людей, уважительное отношение к частностям повседневной жизни, внутреннему миру простых людей.

К устной истории присоединились биографические исследования, являющиеся изучением индивидуального пути и жизненного опыта на разных стадиях (от детства к взрослению и старению) [1]. Историческая биография как жанр исследования известна со времен Древней Греции и Древнего Рима. В эпоху средневековья она была представлена в форме жития святых, в XIX — первой

половине XX в. получила широкое распространение в политической истории, состоявшей в значительной части из жизнеописаний государственных деятелей. В последней четверти XX в. возможности применения биографического метода существенно расширяются. Возникает новое направление с особенными исследовательскими задачами и процедурами. Предметом исследования становится персональная история, или история жизни, включающая в себя реконструкцию личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся «следов» их деятельности. Это может быть описание жизненной практики людей, оказавшихся в нетипичной или уникальной ситуации, например, история гермафродита, влюбленной женщины, убийцы-маньяка (Гарфинкель, Шварц, Мертен, Фуко). Но это может быть и типичная история жизни человека.

Воспоминания, биографии и автобиографии, личные фотографии, письма, дневники, мемуары и другие субъективные объекты воспоминаний – важнейшие источники для исследования исторического развития, в которых запечатлен индивидуальный опыт и его эмоциональное переживание. Субъективные воспоминания-свидетельства могут выступить источником для микроистории, для которой имеется мало других источников или где субъективные источники вследствие своего предмета выходят на первый план, например, гендерная идентичность, семья, родство, стили воспитания и др.

Самый дискуссионный вопрос при обсуждении познавательных возможностей качественных методов в целом и устной истории в частности – это вопрос субъективности и субъективизма.

Действительно, возможность субъективизма при получении и интерпретации данных в качественной парадигме является высокой, что определено уже самим объектом исследования – индивидуальным своеобразием людей, составляющих социум. Автор биографии вписан в свое время и неразрывно связан с ним. В то же время, исследователь испытывает такую же глубокую и разностороннюю зависимость от своей эпохи, своего времени.

Существует еще одна особенность качественных методов. Выводы, полученные на одних объектах, носят относительный характер и могут быть отвергнуты последующими исследованиями на других объектах. В этом случае нужно учитывать, что опыт каждого отдельного человека, отдельной группы является как бы особым «фрагментом» общего социального опыта. Совокупность таких частных практик, как мозаика, позволяет представить социальную картину общества в целом.

Проведение качественного исследования требует специальных знаний, общего исследовательского опыта и навыков проведения подобных исследований. Что представляет собой познавательная тактика устной истории? В процессе интервью или обращения к письменным источникам (дневникам, мемуарам) исследователь получает неструктурированные текстовые материалы, содержащие высказывания людей о своей жизни или других событиях. Эти тексты являются основным источником информации при последующем анализе. Дальнейшие процедуры представляют собой разнообразие тактик, методов анализа и представления результатов.

Типы представления результатов, как отмечает Д.А. Дрожецкий, могут быть представлены двумя группами [2]. В первую, в которой внимание уделяется описательному подходу к полученным данным, входят индивидуальное жизнеописание, отредактированный текст, комментированный первичный текст. Вторая группа делает акцент на теоретической интерпретации данных в форме авторского текста.

Методология устной истории была использована нами для изучения событий, происходивших в 1950–70-е гг. прошлого века в Восточной Сибири. Здесь происходили значимые для СССР события: строились железные и автомобильные дороги, масштабные промышленные объекты, новые города. В условиях технической модернизации сибирского края на ударных стройках формировалась особая социальная общность с характерными признаками, правилами и ценностями бытия. Для ее изучения имеет смысл дать слово современникам этих событий. В данной статье используется текст, автор которого являлся участником сибирских ударных строек в 60-е гг. прошлого века. В качестве формы представления данных мы предлагаем комментированный текст.

Краеведческим музеем Усть-Илимска были предоставлены неопубликованные записки Алексея Максимчука, жителя Усть-Илимска, в которых автор рассказывает об одной истории из своей жизни, случившейся в начале его биографии [3]. Описываются два дня (18 и 19 июля 1963 г.), проведенные Максимчуком на барже вместе с московскими артистами А. Пахмутовой, Н. Добронравовым, И. Кобзоном. Баржа была прицеплена к теплоходу, следовавшему курсом от Братска до Толстого Мыса, где тогда располагался пос. Постоянный на месте будущего Усть-Илимска и Усть-Илимской ГЭС. В течение этих дней были даны концерты в сегодня уже затопленных Усть-Илимским морем д. Ершово и Воробьево. Третий концерт состоялся на сопке у Толстого Мыса. Данные события оставили в душе молодого парня глубокий след, определивший его дальнейшую

жизнь, помогли укрепиться в новом социуме.

Воспоминания А. Максимчука помогают понять, как происходило формирование жизненно-го мира первостроителей Усть-Илима. Они интересны тем, что показывают воздействие внешних условий — географических, человеческих, бытовых — на становление человека. Попав в их орбиту, человек поневоле вынужден был приспособляться, менять взгляды и модели поведения. «Здесь не просто делали, ставили объекты — здесь ставили человека» — это слова из воспоминаний ветерана Братскгэстроя, которые очень точно отражают суть происходившего в Сибири в 1950–60-е гг. [4].

Рассматривая фотографии людей, работавших в те годы в Усть-Илиме, Братске, Железногорске-Илимском, прежде всего обращаешь внимание на их горящие глаза, счастливые молодые лица, искренность и простоту. Во всех воспоминаниях о тех временах звучит лейтмотив — это были другие люди, последние романтики, энтузиасты, бескорыстные, работоспособные, творческие. Заметим, что данный образ принципиально не соответствует выводам, полученным исследователями «Левада-центра» по итогам длительного социологического проекта «Советский простой человек» [5]. Типическими чертами такого человека были названы массовидность, примитивность запросов, неизменяемость, управляемость [6].

Выскажем предположение, что в эпоху социализма (1950–60-е гг.) в Восточной Сибири создавались очаги «другой» культуры, формировавшие человека с принципиально новой идентичностью, не совпадающей с образом «советского простого человека» (выводы «Левада-центра»).

На «стройки века» приезжали разные люди, однако их объединяли такие черты, как поиск неизведанного, мобильность, работоспособность. Новое место рождало и новые качества, более того — новую личность. Это предположение требует изучения, поэтому в сфере моего исследовательского интереса находится поиск ответа на вопрос, как происходило формирование советского человека «другого типа»? Для этого предстоит выяснить: какие признаки личности укреплялись, будучи врожденными, а какие приобретались? Какие факторы способствовали данным процессам?

Источником в моем исследовании выступают неопубликованные записки А. Максимчука, предоставленные Усть-Илимским краеведческим музеем. Они посвящены одному очень значимому событию не только в жизни этого человека, но и города Усть-Илимска в целом — приезду московских артистов. Спустя несколько лет, в августе 1963 г., А. Максимчук пишет свои воспоминания для газеты «Усть-Илимская правда», опубликованные под названием «Песни над Ангарой» [7]. В

1998 г. на основании своих воспоминаний по просьбе работников краеведческого музея он составляет более обширные записки, находящиеся сегодня в музейном архиве (КП 2817-а В1593, рукописный текст, 30 с.). Об этой же поездке вспоминают московские артисты на страницах выпущенной ими документальной книги, посвященной первостроителям Братска и Усть-Илимска [8].

В начале своих записок автор рассказывает о себе. В июне 1962 г., получив профессию строителя в Днепропетровске, он с женой и двухлетней дочерью отправился в Восточную Сибирь на строительство Братской ГЭС. В те годы стройка уже подходила к концу, поэтому летом 1963 г. автор добился перевода на только начинавшееся строительство Усть-Илимской ГЭС. На новое место семья добиралась по Ангаре. Во время этого путешествия произошла встреча А. Максимчука с А. Пахмутовой, Н. Добронравовым, И. Кобзоном.

Перед нами отрезок из биографии рабочего парня, позволяющий увидеть, как происходила трансформация его личности, формировались ее новые качества. Молодой парень, не побоявшийся уехать в неведомую даль вместе с маленьким ребенком, через год стал ощущать себя первооткрывателем, покорителем, делающим важнейшую работу для своей Родины. В нем проснулись романтизм и поэтика, ранее для него не характерные.

В качестве наиболее важного фактора, определившего данные перемены, выступило географическое пространство Сибири. Сибирская природа, ее размах, первозданность, необыкновенность являлись не просто фоном, на котором разворачивались события, а главным действующим лицом. Образы сибирской природы предельно поэтизированы и рождали позитивные эмоции. Это река, сопки, тайга, скалы, шиверы, солнце, облака, костер, таймень, запахи хвои и трав. Все это влияло на людей, способствовало появлению особых мыслей и чувств. Перемены погоды и окружающие пейзажи рождали чувство красоты и лиричности. Путешественники, среди которых находились люди разного образования и профессий, москвичи и сибиряки, становились ближе друг другу, а их отношения более душевными.

Показательным в данном смысле является описание обеда на барже. *«Мимо проплывали берега то с близко подступившим лесом, то с россыпями скал. Пейзажи проплывали, как в цветном киножурнале. Над нами щедро светило солнце. Настоянный на хвое и цветущих травах воздух; ко всему еще уха из тайменя! Аля (Александра Пахмутова. — Е.В.) взяла на себя роль заботливой хозяйки, пригласила всех к столу. Не без смеха начали распределять посуду. Досталось кому что. Черпак Фреда (Фред Юсфин — Е.В.) при каждом движении одевал по кругу всех крупными кусками тайменя с наварившейся ухой. Когда все получили со-*

лидные порции, кастрюля прочно установилась перед Фредом. Раздался хохот. Посуды больше не было, и ко- ку пришлось заправляться из кастрюли. Остроты сыпались со всех сторон. Да пусть простят мне все попутчики за полную откровенность! Но какая же это уха без стопки настоящей “Московской”? Стопки были заполнены, и были провозглашены тосты. За зна- комство! За дружбу! За Усть-Илим! Незаметно по- сматривая на Алю, я с радостью убеждался, что она простая милая женщина. Между нею, знаменитым композитором, и мной – простым рабочим-лесору- бом, как будто давно было знакомство. Она так ис- кренне разговаривала, по-товарищески смотрела в гла- за, смеялась от души простецким остротам, что я порой забывал самую ее суть. И чем больше длились наши разговоры, тем больше я восхищался всем проис- ходящим» (А. Максимчук, рукопись, с. 14, 15).

На барже в одночасье был создан маленький коллектив, в котором все оказались равны, друже- любны, но в то же время понимали значимость каждого его члена. Такое общение было построе- но на отсутствии иерархии и сословности. Алек- сей рассказывает, что его поразило искреннее уважение, оказанное известными артистами про- стым людям.

Созерцание закатов и рассветов, шум морося- щего дождя, несмотря на все неудобства, рождали склонность к философским размышлениям о бу- дущем сибирского края, о своем предназначении: «Я здесь не случайно, я здесь не чужой. Я еду покорять реку, бороться с силами природы». Автор подчерки- вал, что оказался в этом месте с определенной це- лью. Он приехал на строительство мощных тур- бин, которые будут производить электроэнергию для людей. Автор радовался, что непроходимые Ершовские пороги скоро уйдут глубоко на дно реки и не будут мешать движению людей на Усть- Илим. Покорение природы рассматривалось в те годы как ее техногенное преобразование, и человек чувствовал себя главной силой этих процессов.

Природные препятствия, с которыми строите- лям ГЭС приходилось бороться в Сибири, на Ан- гаре (непроходимая тайга, гнус, выступающие скалы, бурлящие пороги), определяли значимость коллективных усилий. Автор описывал, как на руках, «всем миром» переносили пианино «Кама», привезенное Пахмутовой с собой из Москвы (А. Максимчук, рукопись, с. 18).

Решение бросить уют больших городов и уехать в Сибирь – это подвиг, который самим своим фактом возвышал человека, делал его не- обыкновенным в своих глазах и глазах других лю- дей. Приобщение к необыкновенному месту, к людям, там встреченным, рождало ощущение не- обычности своей судьбы. Через эту призму автор описывал последний из трех концертов Пахмуто- вой: «В этот час я не завидовал москвичам. Им вряд ли приходилось видеть что-либо подобное. И пусть

позавидуют все московские артисты успеху Иосифа Кобзона и Виктора Кохно, Александры Пахмутовой и поэтов Добронравова и Гребенникова. Радостные глаза зрителей, улыбки и несмолкаемые овации – это горя- чая искренняя благодарность любимому композитору. А это что? Оказывается, Аля предложила спеть всем вместе. Песня постепенно поднимается выше. Вот она уже звучит со склона. Потом, враз захватив весь “зал”, уже гремит, заглушая голоса прославленных певцов. Дирижера нет. Но взоры всех обращены к ру- кам Али Пахмутовой, которые в эту минуту, сами того не подозревая, руководят необыкновенным хо- ром.....» (А. Максимчук, рукопись, с. 29, 30).

В условиях гармонии человека и природы происходило рождение чувства, почти забытого советскими людьми в тот период – искреннего романтизма. «Что же это? У меня в жизни никогда не было ничего подобного. Может, это та романтика, о которой так много пишут? Но я не искал романти- ки. Никогда о ней не думал. Но это звездное небо, ти- хие всплески ангарской воды, праздничная иллюмина- ция и музыка, мягкие сильные звуки “Камы”, голос Кобзона, усиленный отдыхающей Ангарой, овация, уносящаяся за километры и возвращающаяся эхом, будили, волновали. Хотелось самому петь, хотелось сделать что-то невозможное» (А. Максимчук, руко- пись, с. 26, 27).

Географическое пространство превращалось в антропологическое. Максимчук описывал всеоб- щее движение, охватившее Восточную Сибирь в 60- е гг. прошлого века. Сюда приезжали эшелонами. Теплоходы, баржи, катерки сновали по Ангаре на участке Братск – Седаново – Воробьево – Тол- стый Мыс. Артисты приезжали из Москвы (самоле- том до Братска, а потом на барже по реке). Жители покидали обжитые деревни, попадающие под за- топление. Молодежь уходила из этих мест на стройки Братской и Усть-Илимской ГЭС. Бригады лесорубов выбирались из тайги на концерт Пахму- товой и опять уходили строить автомобильную трассу. Многие люди прибывали на стройки из Украины, Казахстана, сибирских регионов. Даже старики, чье поколение раньше не покидало свою деревню, теперь вышли за ее границы.

На стройку приезжали люди легкие на подъем, не боящиеся изменить свою жизнь, способные к преодолению трудностей. Им приходилось заново строить свою судьбу в новом жизненном простран- стве. Новые люди и встречи рождали гостеприим- ство, готовность оказать помощь, радость общения, умение ценить мгновения красоты, потребность в проявлении и получении искренних чувств.

Мир «большой культуры» приближался к строителям молодых городов. Артисты, компози- торы, другие культурные деятели по заданию коммунистической партии и комсомола приезжа- ли на «стройки века». Эти встречи меняли как строителей, так и самих артистов – одухотворя-

ли, делали добрее, позитивнее. Красивые слова и музыка возбуждали у молодежи лучшие чувства. Такие встречи были скоротечными и потому воспринимались как праздник. Культурный дух, интеллектуальная атмосфера сильны среди жителей Усть-Илимска и сегодня.

В Сибирь ехали не простые артисты, а способные к сопереживанию, встрече с неудобствами и тяготами дальней поездки. Этими чертами они создавали идеал для подражания. Для А. Максимчука таким идеалом стала Александра (Аля, как он ее называл) Пахмутова. Ее простота, русское лицо, невысокий рост, улыбка, искренность, скромность — это одна сторона характера. Неприхотливая, способная переносить дождь и ветер, энергичная, искрящаяся — это тоже Пахмутова. Вот как описывал автор второй концерт москвичей: *«Я с негодованием смотрел, как с брезента стекают крупные капли и падают на Алю. Аля в увлечении не замечает, что ее волосы и платок уже мокрые. Она энергично берет аккорды. Снова и снова объявляются песни..... Так вот какая она, Александра Пахмутова. Вот какой ты, композитор! Старики смотрели на нее нежно, по-отцовски: “Молодец, дочка, хорошую музыку умеешь сочинять и не спасовала перед непогодой!”. Молодость — с восхищенным любопытством..... Каждый хотел обратить на себя внимание и высказать свою искреннюю благодарность за хорошую музыку, песни, за ее простоту, за то, что Аля бросила свой уют, чтобы привезти с собой к ним, в далекий сибирский край, этот замечательный концерт»* (А. Максимчук, рукопись, с. 23, 24).

Приезд артистов, их доступность и душевность имели для людей, оторванных от своих родных мест, еще и другое значение. Люди чувствовали свою ценность для страны; понимали, что о них не забыли, что они выполняют важную миссию.

Итак, идентичность молодых строителей сибирских городов формировалась из двух компонентов. Во-первых, качеств, заставивших людей бросить насиженные места и переместиться в совершенно новые условия. К ним мы относим высокую мобильность, готовность к преодолению трудностей, энергичность, работоспособность. Во-вторых, это приобретенные качества, которые определяли образ «другого» человека. Ведущим здесь выступал концепт «я» как первооткрывателя, покорителя природы, создателя объектов, важных для своей страны. Также нужно назвать искренний романтизм и лиричность, душевность, открытость общению, взаимопомощь, наличие позитивных идеалов. Данный образ опирался на крепкий моральный фундамент. Максимчук ни разу не упомянул о деньгах или других материальных ценностях.

Большую роль в формировании данного концепта сыграли географические и антропологиче-

ские факторы. Уникальность жизненного мира сибирских строек заключалась во взаимопроникновении данных факторов, их невоспроизводимости в других условиях. Это был уникальный эксперимент.

В процессе чтения воспоминаний А. Максимчука возникает ощущение идеализации того времени и тех людей. Однако надо учитывать, что автор писал свои записки по горячим следам, а потом лишь дополнял их. Уезжая из города в 1998 г., он не захотел изменить свои воспоминания, сделать их более критическими, что свидетельствует о том, что в его памяти сохранился позитивный образ тех лет. Он описывал свои чувства и ощущения, которые не изменились за 35 лет. Автор не смог (или не захотел) отделить себя от времени своей молодости, взглянуть на него другими глазами.

Однако существует много примеров, когда строители Братска и Усть-Илимска спустя несколько десятков лет поднялись до критического взгляда [9; 10].

Авторы мемуаров, созданных в перестроечное и постперестроечное время, подчеркивают, что мир сибирских строек был сложным и многосторонним, и не все люди соответствовали идеалу и атмосфере трудового подвига. Особенно заметным это стало в 1970-е гг., но и в 1960-е не все было идеально. Л. Алексеев вспоминает, что его жизнь в Братске и Усть-Илимске в 1960-е гг. — это «холод, неустроенность, вечная работа». Руководство Братскгэсстроя постоянно форсировало начало работ, ставило почти невыполнимые задачи. Такой задачей было перекрытие Ангары в зиму 1967–1968 гг., и это при хроническом отставании в строительстве объектов энергообеспечения. Такая ситуация ставила персонал в труднейшее положение. Работа напоминала судороги постоянного перенапряжения моральных и физических сил. Работать в таких условиях было неимоверно тяжело. Алексеев вспоминает, что ему много раз хотелось все бросить. Удерживали только злость и самолюбие. Будущее Усть-Илима было покрыто мраком. Поговаривали, что Наймушин переоценил свои силы, что финансирование незаконной стройки под вопросом, что, возможно, не будет в 1967 г. перекрытия. *«Все это угнетало. Однако надо было устраиваться на зиму. Пошел к Перетолчину. Тот ответил, что в палатках мест нет, и устраивайся как-нибудь сам»* [11].

3. Бобок плачет, рассказывая о первых годах своей работы на строительстве дорог для будущего Усть-Илимска (1960-е гг.): *«Чурка вместо стола, втроем с сыном и другой девушкой спали на топчане, волосы примерзали, все кости промерзали. Только и знала, что работа и сын. В три смены работали. Нас все время гнали — быстрее, быстрее! Тогда и родилось выражение “три женщины вместо бульдозера”. Это*

была жизнь на пределе человеческих возможностей. Женщина до сих пор не понимает, как удалось все это выдержать?! Просто по-другому здесь было нельзя, так жили все» [12].

Г. Брюханов нашел свои записи с комсомольских диспутов, показывающие, что молодые первостроители Братска и Усть-Илимска не были свободны от общественных идеалов и потребностей советского времени: «Если ты не жалеешь себя, когда речь идет об общем деле, если приносишь обществу и людям пользу, если заботаешься не только о своей семье, бригаде, но и о решении общих задач, если твоя дача и гараж не заслонили от твоих забот несчастья и горе других людей, и ты понимаешь, что драгоценные камни и машина не символизируют человеческое величие, то ты достоин уважения» [13]. Автор подчеркивает, что потребности страны представляли в те десятилетия абсолютную ценность, и комсомольцы были уверены, «что воры, карьеристы, завистники в чистом виде уже почти не встречаются».

В эпоху гласности и распада Советского Союза руководители сибирских строек заговорили о теневых сторонах своего труда в советское время [14–16]. В мемуарах этих авторов происходит, например, переоценка взаимодействия партийных и хозяйственных руководителей. «Просто думаю, что большой ошибкой высоких партдеятелей того времени была передача командных функций в области хозяйствования на всех уровнях управления

партийным органам.Эти органы, с точки зрения хозяйственника, уже перестали быть необходимыми и полезными..... Как правило, в партийные деятели выдвигались те, кого легче было заменить на хозяйственной работе. Есть еще одна сторона проблемы: привыкнув к командам сверху в военной обстановке....., мы не можем быстро изменить свой характер; нам трудно вато бывает без этих команд» [17].

В современных мемуарах авторы с горечью пишут о том, какой урон экологии нанесло строительство Братской и Усть-Илимской ГЭС, что этого можно было бы избежать. Например, Г. Брюханов отмечает, что «среди недоработок, допущенных при сооружении Братской ГЭС, отметил бы две: плохая (по современным представлениям) очистка ложа водохранилища и отсутствие глубинных водосбросов с глубины перед плотиной. Почему же не сделали лесочистку и глубинные сбросы? Ларчик открывается просто: у страны не было средств» [18].

В заключение подчеркнем, что мы не ставили своей целью оценить степень субъективности воспоминаний А. Максимчука. Мы стремились к тому, чтобы познакомить читателей с интересными событиями, показать их влияние на становление человека.

Автор выражает благодарность Усть-Илимскому краеведческому музею за предоставленную рукопись А. Максимчука и возможность использовать ее в своей работе.

Литература

1. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: Ун-т, Книжный дом, 2003. 296 с.
2. Дрожцкий Д.А. Методика публикации устных исторических свидетельств в различных научных интерпретациях // Устная история в контексте обновления историографических практик: материалы II Всерос. конф. (27–29 сент. 2007 г.). Братск, 2008. С. 20.
3. Максимчук А. Воспоминания о визите А. Пахмутовой на Усть-Илим: рукопись. 1998 г. Архив Краеведческого музея г. Усть-Илимска. Кп 2817-а. В 1593. 31 с.
4. Человек и его дело (очерки истории Братскгэсстроя): сост. И.М. Масленников. Кн. 2. М.: Энергоатомиздат, 1994. С. 275.
5. Левада Ю. «Человек советский» // Полит.ру. Публичные лекции: версия для распечатки. URL: http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada_print.html. (дата обращения: 27.11.2020).
6. Гудков Л.Д. Перерождения «советского человека» (об одном исследовательском проекте Левада-центра). URL: <http://www.root.elima.ru/articles> (дата обращения: 27.11.2020).
7. Максимчук А.Е. Песни над Ангарой // Усть-Илимская правда. 1969. 19 авг.
8. Гребенников С., Добронравов Н. В Сибирь за песнями! М.: Молодая гвардия, 1964. 192 с.
9. Человек и его дело (очерки истории Братскгэсстроя): сост. И.М. Масленников. В 2-х кн. М.: Энергоатомиздат, 1994. 672 с.
10. Усть-Илим: мечта, судьба и счастье. Очерки, воспоминания, стихи, фотографии о городе на далекой таежной реке / сост. В. Семенов. Иркутск, 1998. 197 с.
11. Алексеев Л. Энергетика – начало Усть-Илима // Усть-Илим: мечта, судьба и счастье. Очерки, воспоминания, стихи, фотографии о городе на далекой таежной реке. Иркутск, 1998. С. 123.
12. Бобок З. Воспоминания // Народная библиотека. Сайт городской б-ки г. Усть-Илимска.
13. Брюханов В.Г. Обычный день на строительстве Братской ГЭС // Человек и его дело: очерки истории Братскгэсстроя / сост. И.М. Масленников. М.: Энергоатомиздат, 1994. Кн. 1. С. 74–76.
14. Закопырин А.Н. БратскГЭССтрой. Звездные часы Отечества. Записки начальника БратскГЭССтроя. Братск: Sital, 2013. 696 с.
15. Мазанов С.С. Записки к истории Братской ГЭС и Братскгэсстроя: в 3-х ч. Братск, 2004. Ч. 3. 207 с.
16. Нагнойных А. Вопрос не должен быть вопросом // ЭКО. 2010. № 80. С. 108–145.
17. Закопырин А.Н. БратскГЭССтрой. Звездные часы Отечества. Записки начальника БратскГЭССтроя. Братск: Sital, 2013. С.117–118.
18. Брюханов Г.В. Высокие звезды Братска // Человек и его дело (очерки истории Братскгэсстроя). Кн. 1. М.: Энергоатомиздат, 1994. С. 80.